

УДК 165:001

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56

РЕЛЯТИВИЗМ В НАУКЕ И ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Клёцкин Михаил Васильевич

Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С.П. Королёва

Предмет исследования — осмысление причин и последствий когнитивного релятивизма в научном познании и философии науки. Проанализирована взаимосвязь категорий объективность, истина, научная рациональность и предложена праксеологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что «социологический поворот» в осмыслении научной рациональности является одной из разновидностей релятивизма. Когда научная рациональность подменяется социологией познания, наука, лишившись опоры на истинное знание законов природы и общества, неизбежно скатывается в релятивизм. На основании проведенного анализа утверждается, что релятивизм в науке противоречит отстаиваемому нами пониманию ценностного отношения, поскольку лишает научную деятельность смысла достижения истины как цели познания. Объективность истины достигается в процессе познания, когда практика устраняет возможные иллюзии об истинном положении дел. Ценностное отношение, с нашей точки зрения, фундирует наряду с сущим, инвариантность «объективной» истины для разных ученых сообществ. Без опоры на знание общего для всех субъектов познания сущего, без точного установления фактов происходящих изменений сущего знание становится пустой фантазией. Альтернативой релятивизма и догматизма в понимании истины должна стать концепция, снимающая антагонизм этих точек зрения и делающая их моментами обобщенной праксеологической концепции.

Ключевые слова: ценностное отношение, релятивизм, научное познание, истина, объективность, сущее, научная рациональность, аксиология, практика.

RELATIVISM IN SCIENCE AND VALUABLE RELATIONS

Mikhail V. Klyotskin

Samara State Aerospace University named after acad. S.P. Korolyov

Subject of research is understanding of the causes and consequences of cognitive relativism in scientific knowledge and philosophy of science. The relationship between categories of objectivity, truth, scientific rationality is analyzed, and praxeological model of their association is suggested. The article substantiates the assertion that «sociological turn» in thinking about scientific rationality is a form of relativism. Deprived of support to the true knowledge of the laws of nature and society, scientific knowledge is inevitably slipping into relativism, when scientific rationality is replaced by the sociology of knowledge. Based on the analysis, the article argues that relativism in science contradicts our understanding of the value relation, as it deprives scientific activities to achieve sense of truth as purpose of cognition. Objective truth is attained in the process of cognition, when the practice eliminates possible illusions about the true state of affairs. Value relation, along with the essent, substantiates the invariance of the «objective» truth for different communities of scientists. Without support of all subjects of cognition on general knowledge of essent, without exact ascertaining the facts occurring change of essent, knowledge becomes an empty fantasy. The alternative to relativism and dogmatism in the understanding of truth must become a concept that removes the antagonism of these points of view, and make them moments of generalized praxeological concept.

Keywords: value relation, relativism, scientific cognition, truth, objectivity, essent, scientific rationality, axiology, practice.

Поиск смыслов человеческого существования предполагает переплетение гносеологических и морально-нравственных суждений, интенциональности, воли и веры. Такому поиску противостоят: когнитивный релятивизм, утверждения абсурдности существования и нравственный нигилизм современно-

го общества — все эти признаки «рабского сознания» (по Гегелю), для которого мир расщеплен и обесценен, ибо раб не имеет собственной цели, а значит, и смысла существования. Мы согласны со словами Н.С. Автономовой, утверждающей, что связанный с релятивизмом «скептицизм, как бы мы

его ни трактовали, обрекает нас на пассивную позицию, потому что разъедает нашу способность к действию» [1, с. 298]. Мы наблюдаем, как в наше время проваливается социальная практика мультикультурализма и абсолютизации толерантности к культурным различиям. Причина этого провала — в искусственном обособлении жизни различных национальных и социальных групп от общей цели, «национальной идеи», что неизбежно приводит к обострению противоречий внутри общества, к национальной сегрегации. Примером деструктивности мультикультурализма может служить разделение Советского Союза по «национальным квартирам», ставшее одной из причин трагедии развала СССР, сопровождавшейся многочисленными жертвами. Так же и в науке — попытки спрятаться от прогресса в развитии научного познания ведут к застою и догматизму. Изменение форм познания неизбежно, но важно понимать и сохранять общую для всех ученых содержательную основу их взаимодействия на основе приоритета истинности познания. Диалог и конкуренция научных парадигм выступают «как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога» [6, с. 31]. В отечественной философии проблему релятивизма одним из первых поднял В.И. Ленин. Критикуя махизм, он заметил, что «положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм» [7, с. 139]. Перед философией встала задача анализа истоков экзистенциального кризиса современного общества, истоков нигилизма и господствующего в обществе скепсиса по отношению к нормам морали и истинного познанию.

Гуссерль видел причину отчуждения «жизненно-го мира» в науке Нового времени в отказе от поисков жизненных смыслов. «Галилей *абстрагируется* от субъектов как личностей с их личной жизнью, от всего духовного в каком бы то ни было смысле... только с Галилеем впервые вступает в свет идея природы как *реально замкнутого* в себе *мира тел*... [Замкнутый в себе телесный мир] расслаивается, так сказать, на два мира: природу и душевный мир» [4, с. 89]. Вопросы о ценностях и смыслах были отнесены в сферу «анонимности» [4, с. 155]. Это критика декартовской онтологии, разрывающей бытие на две независимые субстанции и объявляющей ненаучными любые попытки установить их сущностную праксеологическую взаимосвязь. «Соотнесенность схемы деятельности и выявляемых в ее рамках фундаментальных характеристик исследуемой реальности была и в классической науке. Только там она выступала в скрытом виде. Доминирующими оста-

вались представления прямолинейного онтологизма» [10, с. 280]. Картезианская метафизика предполагает выносящую суждения, отдельную от сущего мыслящую субстанцию — абсолютного субъекта, «точку зрения Бога». «Субъект» искусственно отрывался от сущего, а под истиной стали понимать верифицируемое в опыте представление «субъекта» познания. «Субъект» стал «мерой всех вещей», что и послужило, на наш взгляд, основой для укоренения релятивизма в науке Нового времени. Объявление абсолютной истиной, например, ньютоновской физики означало отождествление природы с определенной теоретической конструкцией, что, во-первых, ограничивало дальнейшее развитие физики как науки и, во-вторых, представляло ложным любое утверждение, противоречащее ньютоновской концепции, то есть истинность ставилась в зависимость от теории, а не от сущего. Борясь с «метафизикой», естествоиспытатели Нового времени создали, пожалуй, самую абстрактную философскую доктрину, из-за своей простоты и близости к «естественной установке» сознания оказавшуюся крепко укорененной в умах ученых.

В.А. Лекторский перечисляет следующие признаки релятивизма: 1) отрицание существования истины как чего-то независимого от того или иного концептуального каркаса; 2) отрицание общезначимых стандартов рациональности; 3) отрицание самого существования реальности как независимой от определенной понятийной конструкции [6, с. 3]. Научная рациональность запрещает произвольно обращаться с сущим. Достижение результата научной деятельности опирается на выработанную наукой общую структуру научной рациональности, наиболее адекватно описывающую «положение дел» с сущими. Общезначимые нормы рациональности остаются инвариантным кросспарадигмальным содержанием и в период смены научных парадигм.

Поскольку картина мира создается человеком исходя из его практических интересов, то невозможно избежать сведения категориального аппарата аксиологии, гносеологии и даже онтологии к категориям праксиологии (интенциональность, потребление, воление и т.д.). Практика конституирует онтологическую структуру существования — это, пожалуй, главная мысль хайдеггеровской философии, подхваченная им как эстафета от Аристотеля, Гегеля и Ницше и знаменующая, по его словам, «завершение метафизики». Эту же мысль высказывает в наше время Д.И. Дубровский: «Гносеологическая и онтологическая относительность должны осмысливаться также сквозь призму категорий аксиологического и праксеологического, поскольку всякое утверждение о чем-либо (независимо от того, идет ли в нем речь о знании или реальности) так или иначе несет в себе

факторы ценности и активности» [5, с. 48]. Однако Дубровский полагает категории онтологии, гносеологии, аксиологии и праксеологии не редуцируемыми друг к другу, но «взаиморефлексируемыми» [5, с. 47]. То, как «работает» в науке ценностное отношение, ярко показал Дж. Гибсон в работе «Экологический подход к зрительному восприятию» [3]. Работа Гибсона знаменательна отказом от созерцательной концепции восприятия информации об окружающем мире, характерном для классической науки Нового времени. Для нас особенно важна его концепция восприятия. Восприятие не является созерцанием предмета, а показывает его соответственно индивидуальной потребности и в рамках возможностей восприятия, разных у различных видов животных. Дальнейшее различение конкретных восприятий делает их все более точными и определенными.

Поскольку потребности могут различаться, индивиды выделяют в сущем то, что необходимо для ведения дел. Результатам наблюдений за физическими объектами соответствует инвариант в сущем — нечто, существующее независимо от сознания субъектов наблюдения и являющееся общей для всех основой познания, благодаря которой и возможно прийти к общему мнению. Существующее можно по-разному оценивать, но невозможно произвольно придумать (сконструировать), как полагают релятивисты. Без опоры на адекватное знание общего для всех субъектов познания сущего, без точного установления фактов происходящих в сущем изменений знание становится пустой фантазией. Совместное бытие людей задает общее понимание окружающего мира, так как формирует общие способы обращения с сущим. Воздушные замки теорий, не опирающихся на существующее положение дел, неизбежно разбиваются о необходимость согласования совместных действий учеными. Неточные знания о сущем приводят к невозможности достижения необходимого результата и поэтому признаются ошибочными. Истинность научных теорий устанавливается, таким образом, в конкурентной борьбе, правилами в которой выступают существующие и проверенные практикой нормы рациональности. То, что на смену классической ньютоновской физике пришла квантовая, говорит о том, что квантовая физика эффективнее предсказывает и объясняет происходящие в физическом мире события, а не то, что квантовая физика создает новую онтологию и принципы рациональности. Открытие многоуровневости бытия стало открытием только для самих физиков, воспитанных на новоевропейской, декартовской парадигме структуры бытия сущего. Для философов же квантовая физика стала опорой для возвращения к античным истокам онтологии — к аристотелевским представлениям о су-

щем, бытии, движении и времени. «Какой бы абстрактной ни казалась проблема не-бытия, с которой мы здесь сталкиваемся, она не случайным образом возникает при анализе квантовой теории. Как раз с этой проблемой мы и сталкиваемся, рассматривая, к примеру, концепцию “творения” по Уиллеру в процессе наблюдения. Здесь действительно приходится говорить о не-бытии, т.к. “к бытию может придти только то, что в нем еще не существует”, что связано, таким образом, с проблемой становления» [9, с. 132]. Безусловно, науки о природе ушли далеко вперед в сравнении со временами Аристотеля. Прежде всего, прогресс проявляется в росте объема эмпирической базы исследований, однако аристотелевская онтология и гносеология именно во время кризиса ярко демонстрируют свою непреходящую значимость, разоблачая догматизм очередных «вечных истин» в науке.

Обратимся к логическому релятивизму. Условиями истинного вывода в логике являются: 1) истинность посылок и 2) соблюдение законов логики в процессе вывода. Если нарушаются законы логики, то даже из истинных посылок могут следовать ложные выводы, поэтому очень важно следование нормам рациональности и важен поиск противоречий в рассуждениях, ведь только таким образом возможно получение истинных суждений, опирающихся на знание *физических объектов* (сущностей), — получение объективной истины. Говоря об истинности научных суждений, нельзя забывать о таких ее важнейших характеристиках, как относительность и учет временного фактора. Суждение может быть истинным в одно время и ложным в другое, поскольку сущее движется и меняет бытие; также суждение может быть истинным относительно одного наблюдателя и ложным относительно другого, поскольку эти наблюдатели находятся в различных отношениях к изучаемой сущности, поэтому бытие этой сущности для них будет различным. Относительность истины не отменяет исходного принципа логики — истинное суждение всегда имеет денотат в сущем и адекватно ему, ложное же суждение такого денотата не имеет. Понятие «ложь» относится исключительно к семантике оценочных суждений об истине бытия. Ложь — это отрицание истины, то есть утверждение об отсутствии адекватности высказывания истинному положению дел. Имеется в виду отсутствие адекватности истине бытия как желаемому результату деятельности или как материальным условиям существования индивида и осуществления им деятельности. Релятивность (но не релятивизм!) истинности суждений неизбежна, так как любое суждение выражает некоторое отношение. Физика Ньютона истинна относительно макрообъектов с небольшими скоростями и ложна от-

носителем мира элементарных частиц. Неправильно, на наш взгляд, прямолинейно онтологизировать истину, как, например, Фреге в следующем фрагменте: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [12, с. 307]. Это высказывание представляет истину как сущность, а не как отношение. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы исправить словосочетание «законах бытия истины» на «законах истины бытия», поскольку такой подход подразумевает истину как телос деятельности.

Три фактора имеют определяющее значение при установлении истинности научного суждения: 1) интенции ученого, выражаемые в определенной точке зрения на объект исследования; 2) внешние факторы — исследуемые сущности, чьи свойства независимы от интенций и служат объективным основанием истинности суждений для компетентного исследователя и 3) временной фактор, ибо суждения об изменяющемся сущем в физике соотнесены с временными координатами (концепция пространственно-временного континуума современной физики). В одно время Сократ здоров, в другое болен, но он не может быть одновременно здоровым и больным, разве что только потенциально. Если суждение рассматривается вне указанных контекстов, то оно становится истинностно неопределенным, а поэтому бессмысленным. Вернее сказать, что бессмысленна сама верификация суждений вне этих контекстов. Значение суждения относительно, таким образом, к контексту его употребления, поэтому всякое суждение является «индексным». Попытки логических позитивистов придать индексным выражениям характер общезначимых не увенчались успехом. Не существует суждений истинных на все времена и для всех людей, если только они не относятся к абстрактным объектам, таким как числа или платоновские идеи. Мы фиксируем некое квантовомеханическое явление в данное время и в данном месте, но не в состоянии предсказать его изменение с абсолютной определенностью: все, что мы можем — это рассчитать вероятность таких изменений. В отличие от Картезия основатели квантовой механики не онтологизировали свое специфическое видение мира. В квантовой механике Бора, например, не допускается объективация представлений, сложившихся в результате обобщений экспериментов с микрообъектами. По мнению А.Б. Макарова, принцип дополненности Бора «позволил физикам отложить спекулятивные и натурфилософские споры о природе квантовых объектов и сконцентрировать усилия на решении задач наличными на достигнутом физическом уровне средствами» [8, с. 108].

Обычно релятивизму противопоставляется абсолютистское (догматическое) понимание истины, как чему-то внеисторическому и неизменному. Такое

противопоставление некорректно: неправильно останавливаться как на релятивной концепции относительности истины, так и на абсолютистских концепциях познания истины как исчерпывающих знаниях об объекте исследования. На наш взгляд, правильный подход должен преодолевать эту противоположность между релятивностью и абсолютизмом в понимании истины. При таком подходе важным компонентом теории познания может стать изучение становления истинного знания как реализации ценностного отношения, поскольку это позволяет учитывать как культурно-социальный, так и психолого-прагматический контексты этого становления. «Те или иные философские представления должны быть переведены в статус именно внутренних оснований. Они должны быть приняты самой наукой, должны функционировать в ней. Здесь важнейшую роль играет рефлексия самих ученых, осознание научной деятельности и ее результата» [2, с. 13–14]. Именно учет *всех* факторов процесса познания позволяет сформировать наиболее адекватное понимание истины, игнорирование же каких-либо факторов ведет к догматизму и фрагментации теории познания. Например, противопоставление пользы как цели познавательных усилий и точного познания вещей как они есть сами по себе ведет к такой фрагментации в теории познания Рорти. Невозможно получение пользы от знания без опоры на точное знание свойств объектов, играющих на практике роль средств достижения пользы. «Из факта релятивности вовсе не следует эпистемологический релятивизм, скорее он толкает ученого к поиску новых средств и методов построения теории как объективного, обоснованного знания, не упуская из вида различие между знанием и достижением» [11, с. 129]. Релятивизм в науке противоречит нашему пониманию ценностного отношения в научном познании, поскольку лишает научную деятельность цели достижения истины как результата и смысла познания. Ценностное отношение *релятивно*, так как оно *отношение*, но эта релятивность не является основанием для релятивизма, поскольку наука всегда опирается на адекватное потребностям индивида знание сущего.

Классический позитивизм запрещал исследовать науку извне, предполагая, что научная рациональность может быть осознана и сформулирована исключительно средствами самих наук, прежде всего естественных. Такая методологическая установка получила название «сциентизм». В постпозитивистской философии науки произошел отказ от понятия методологической нормы, во многом связанный с попыткой неопозитивизма навязать научному сообществу строгие методологические рамки понимания истинного познания. Результатом стал перекокс в

сторону поиска внешних для естественных наук социокультурных и психологических факторов (Дюркгейм, Лакатос, Кун, Фейерабенд, Эдинбургская школа). Но даже при таком «расширении» сциентизма он по-прежнему ограничивался методами «позитивных» наук, таких как социология. Таким образом, естественно-научный сциентизм сохранялся, хотя и в несколько трансформированном виде, чему способствовала практическая польза от применения новых методов управления научным сообществом. Но насколько глубоко «социологический поворот» в осмыслении научной рациональности раскрывает внутреннюю структуру научного познания? Разве не теряется при таком подходе историческая преемственность, целостность и в то же время плюралистичность процесса развития познания сущего? Ведь на первый план выходит практическая польза научной деятельности, а не поиск истины, который подменяется теперь созданием технологии достижения истины. Это также односторонний подход. Невозможно создать технологию, обеспечивающую истинность решения, так как никакая технология или компьютер не способны учитывать ценностные характеристики объектов, задаваемые смыслообразующими потребностями человека (единого с сущим, но вместе с тем отличного от него). «Я считаю, что характер эпистемологических дебатов не может быть полностью понят, если они не рассматриваются как выражение глубоких идеологических проблем в нашей культуре» [13, р. 55]. Влияние общества на развитие науки неоспоримо, но неверно поиск истины подменять идеологизированными конструктами, обеспечивающими практическую выгоду определенных социальных групп. Лишившись опоры на истинное знание законов природы и общества, научное познание неизбежно скатывается в релятивизм, когда научная рациональность подменяется социологией познания и заботой о выгоде определенных социальных групп. Конечно, представления о нормах научности исторически меняются, но это не является основанием отказа от рациональных норм истинности познания вообще, основанием для методологического анархизма, антинормативизма и дескриптивизма.

Целью данной статьи было показать, что практика определяет научную ценность тех или иных теоретических конструкций. Кун отмечал, что не существует «чистых фактов», что все исследуемые объекты в науке теоретически нагружены, то есть приобретают специфическую практическую значимость. Вне ценностного отношения факты для ученого не существуют. В этом смысле научная парадигма может пониматься как устоявшаяся и принятая научным сообществом форма реализации ценностного отношения, опирающаяся на сущностные

(независимые от субъекта познания и особенностей языковых конструкций) свойства физических объектов (когда мы говорим об естественных науках) или на специфически человеческие способы осмысления и восприятия сущего (в гуманитарных науках). Таким образом, ценность научных теорий, идеалов, концептов определяется прежде всего их использованием в познавательной практике. При смене парадигм в новой концепции могут использоваться концепты старой, но их смысл часто меняется коренным образом из-за смены способов его использования. Так, в истории науки не раз менялись представления об устройстве космоса, вместе с этим менялась интерпретация одних и тех же астрономических явлений.

В науке целеобразующим смыслом является получение знания, адекватного действительности и потребностям индивида, т.е. достижение истины. Неверно говорить о том, что истина открывается как нечто скрытое. Истина не существует как некая данность, а *становится* объективной, то есть она не задана, а создается и объективируется как результат и средство познания сущего. Истинное познание создает объективный мир (мир объектов), создает условия для использования сущего. При этом наука опирается на знание природных и социальных свойств объектов познания — качеств, задающих рамки использования объективной реальности. Истинность предполагает определенный смысл и способ отношения субъекта познания с сущим, но обязательно с опорой на сущее. Именно это отношение, определяемое нами как ценностное, фундирует наряду с самим сущим инвариантность «объективной» истины для разных ученых сообществ. Поэтому философская онтология, выявляющая самые общие основы мироустройства бытия сущего и тем самым предохраняющая научное сообщество от консервации парадигмальных различий, является, на наш взгляд, одной из важнейших общенаучных дисциплин. Объективность истины достигается в процессе познания, когда практика устраняет возможные иллюзии об истинном положении дел. На основе же релятивизма невозможно решать возникающие научные и социальные проблемы, так как релятивизм уничтожает поле и смысл такого решения — он утверждает: «что пусть все остается как есть».

Список литературы

1. Автономова Н.С. От языковых экспериментов к анализу апорийных ситуаций (о так называемом «постмодернистском релятивизме» в концепции Жака Деррида) // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 265–298.

2. Борисов В.Н. Избранные труды по философии и методологии науки. Самара: НВФ «Сенсоры. Модули. Системы», 1999. 223 с.
3. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
5. Дубровский Д.И. Относительное и абсолютное. К проблеме концептуального осмысления релятивизма // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 41–60.
6. Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5–31.
7. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. С. 7–384.
8. Макаров А.Б. Принцип дополнительности Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 98–109.
9. Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 200 с.
10. Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
11. Черткова Е.Л. Скептицизм и релятивизм: от искания истины к ее отрицанию // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 104–136.
12. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
13. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. 211 p.
3. Gibson J.J. *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The ecological approach to visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1988, 464 p. (In Russian).
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p. (In Russian).
5. Dubrovskiy D.I. [The relative and absolute. On the problem of conceptual understanding of relativism]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 41–60. (In Russian).
6. Lektorskiy V.A. [Relativism and pluralism in contemporary culture]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 5–31. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Makarov A.B. [Bohr's principle of complementarity and the problem of its status]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [The Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the UrD RAS], 2012, iss. 12. pp. 98–109. (In Russian).
9. Sevalnikov A.Yu. *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy], Moscow, 2005, 200 p. (In Russian).
10. Stepin V.S. [Classical, non-classical, post-non-classical: distinguishing criteria]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classical: philosophy, science, culture], Saint Petersburg, Mir Publ., 2009, pp. 249–295. (In Russian).
11. Chertkova E.L. [The skepticism and relativism: from search for truth to its denial]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 104–136. (In Russian).
12. Frege F.L.G. *Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov* [The logic and logical semantics. Collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 512 p. (In Russian).
13. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1991, 211 p. (In English).

Получено 03.03.2016

References

1. Avtonomova N.S. [From linguistic experiments to the analysis of aporia emergencies (about the so-called «postmodern relativism» in the concept of Jacques Derrida)]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 265–298. (In Russian).
2. Borisov V.N. *Izbrannye trudy po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Samara, NVF «Sensory. Moduli. Sistemy» Publ., 1999, 223 p. (In Russian).
3. Gibson J.J. *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The ecological approach to visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1988, 464 p. (In Russian).
4. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p. (In Russian).
5. Dubrovskiy D.I. [The relative and absolute. On the problem of conceptual understanding of relativism]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 41–60. (In Russian).
6. Lektorskiy V.A. [Relativism and pluralism in contemporary culture]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 5–31. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Makarov A.B. [Bohr's principle of complementarity and the problem of its status]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [The Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the UrD RAS], 2012, iss. 12. pp. 98–109. (In Russian).
9. Sevalnikov A.Yu. *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy], Moscow, 2005, 200 p. (In Russian).
10. Stepin V.S. [Classical, non-classical, post-non-classical: distinguishing criteria]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classical: philosophy, science, culture], Saint Petersburg, Mir Publ., 2009, pp. 249–295. (In Russian).
11. Chertkova E.L. [The skepticism and relativism: from search for truth to its denial]. *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2015, pp. 104–136. (In Russian).
12. Frege F.L.G. *Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov* [The logic and logical semantics. Collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 512 p. (In Russian).
13. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1991, 211 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 03.03.2016

Об авторе

Клёцкин Михаил Васильевич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры истории
и философии науки

Самарский государственный аэрокосмический
университет им. акад. С.П. Королёва,
443086, Самара, Московское ш., 34;
e-mail: samkoms@mail.ru

About the author

Klyotskin Mikhail Vasil'evich

Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer
of the Department of History and Philosophy
of Science

Samara State Aerospace University named after
acad. S.P. Korolyov,
34, Moskovskoye hwy., Samara, 443086, Russia;
e-mail: samkoms@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Клёцкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 50–56. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56

Please cite this article in English as:

Klyotskin M.V. Relativism in science and valuable relations // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 50–56. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56